

ГАСТРОЛИ ВОРОНЕЖСКИХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
КОЛЛЕКТИВОВ В МОСКВЕ

БЕССМЕРТИЕ В ПЕСНЕ

Меринет свет в зрительном зале, и из-за тюля звучит хор — привольная народная песня «Эх, ты, степь широкая...».

Так начинается показанный вчера москвичам спектакль «Алексей Кольцов» в постановке Воронежского государственного драматического театра.

«Драма-песня» — назвал театр жанр этого произведения. Это несколько необычное сочетание становится понятным, если вспомнить, что песни замечательного русского поэта, ставшие народными, являются одновременно своеобразной поэтической биографией их автора и жизнеописанием народа, из которого он вышел. Ведь, по словам самого Кольцова, в песне «кроме ее собственной души, есть еще душа народа в его настоящем моменте жизни».

В песенной основе и заключается главная особенность воронежского спектакля. Русский народный хор здесь несет активную драматическую функцию. Почти постоянно присутствуя на сцене, он вместе с главным героем участвует в сценическом действии, вместе с ним переживает драматические коллизии. Более того, поэтическому слову Кольцова, претворенному в мелодию, он придает особую эпичность, могучую силу, силу тоски и скорби, сдержанного гнева и солнечной сияющей веры в будущее.

Было бы неправильно считать скрупулезной биографической точности в пьесе В. Корабленина, видеть в ней драматическую хроникеру жизни поэта. Нет, это не хроника: действие охватывает лишь три-четыре кратких по времени эпизо-

да из жизни Кольцова, но эпизоды, наиболее важные для его творческой биографии. Да ведь и сама жизнь поэта была обидно короткой и бедной внешними событиями. Есть в пьесе изменения и смещения биографических фактов: задача ее в ином — в создании целостного образа замечательного русского поэта в его жизненной полноте и психологической многогранности, в раскрытии его поэтической природы.

Решена ли в спектакле эта задача? Несомненно. И здесь большая заслуга принадлежит исполнителю роли Алексея Кольцова, заслуженному артисту Удмуртской АССР С. Ожигину. Обаятельный и искренний актер большого лирического дарования, он убедительно и верно раскрывает образ своего героя, воплощает тему страшной в своей беспощадности трагедии народного таланта в николаевской России.

Как поэтический эпиграф звучит в хоре кольцовская «Дума сокола», и возникает эпизод из ранней юности поэта. Алексей переживает свою первую весеннюю любовь к крепостной девушке Дуне. Кажется ему, только вступающему в жизнь, что эта любовь растопит черствое, каменное сердце деспота и самодура «батеньки» с его низменной и копейной душой, вырвется из стен мрачного отцовского гнезда. (Роль отца Кольцова хорошо, сдержанно и сильно исполняет заслуженный артист РСФСР М. Зимбовский).

Но судьбой уготован юноше жестокий удар: его родной отец продает Дулюшу развратнику-помещику. Необычайно сильное впечатление производит эта сцена в спектакле.

В это мгновение хор скорбно и безмолвно созерцавший происходящее, стремительно встает. И, как бы из самой глубины души народной, рождается его тоскующая и гневная песня.

В финале этой картины исполнение С. Ожигина достигает большой драматической силы. В ужасе смотрит Кольцов на зверя-отца и не находит слов для выражения своего страшного горя. Вот он, подняв руки к небу, уже готов проклясть этого человека, разрушившего его жизнь, и... падает без чувств. Как сказал бы сам поэт: «телесных сил не достало». Исполнители роли Дуни Т. Павловой не всегда удается передать душевную чистоту и обаяние простой крестьянской девушки, пленившие Кольцова.

В эту же пору зарождается поэтическое видение, поэтическое мироощущение Кольцова. Оно приходит и от чувства к любимой, и от сердечной близости к родному народу, к родной природе.

...Глухая степная ночь, озаряемая заревом помещичьих вин, подожженных крестьянами. Здесь встречается Кольцов с беглым крестьянцем Кириллом, пережившим ту же жизненную трагедию, что и сам поэт. Великолепно исполняет эту роль народный артист РСФСР С. Павлов. Образ Кирилла воспринимается как символическое

А. Кольцов — заслуженный артист Удмуртской АССР С. Ожигин.

Рис. Ю. Кастильцева.

обобщение подспудной силы народа, его пробуждающегося самосознания, революционной стихии.

И под этим ночным небом, среди этих простых, хороших людей расцветает поэтический гений Кольцова.

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Какая особая, напряженная тишина воцаряется в зрительном зале! Как будто каждый боится спугнуть поэтический образ, так чудесно и неожиданно возникающий в устах поэта и звучащий в мелодии хора.

...Маленькая, тесная комнатка. У стены большой книжный шкаф. За окном в вечернем сумраке

смутно виднеется игла. Откуда-то до дребезжащих звуков высокой контрфорной человек с жими пряжами полна высокий лоб Виссарии Болиси. Перед ним — соби- тым русским лицом, волосами в ном купеческом и стиг поэтической лучил известность цов. Но как сур ошибки и в то же учит и наставляе критик, как негод о народном беспр как страстно зву высоком и благо- ском долге народи но, восторженно (ва Кольцова...

Новая страница. Все тяжелее и ти- цовском доме, не попреки даже от Чинювники по его путывают Кольцо сети, травят поэта тераторы Вороней мелькает надежда любви к городско наре Григорьевне чезает, эта надея любившая Кольцо ла пойти на жизнь остаться нишей поэтом. Л. Мака правдиво создает Григорьевны.

Кольцов одно тачивает смертел- лодном, неоплен велел отпустить сидит он, покину нянка Миронов! любовно ухажива шенькой (эту ро: прекрасно испол! артистка РСФСР Угасла жизнь! городные думы!

Советская Россия
9.1. VI. 58